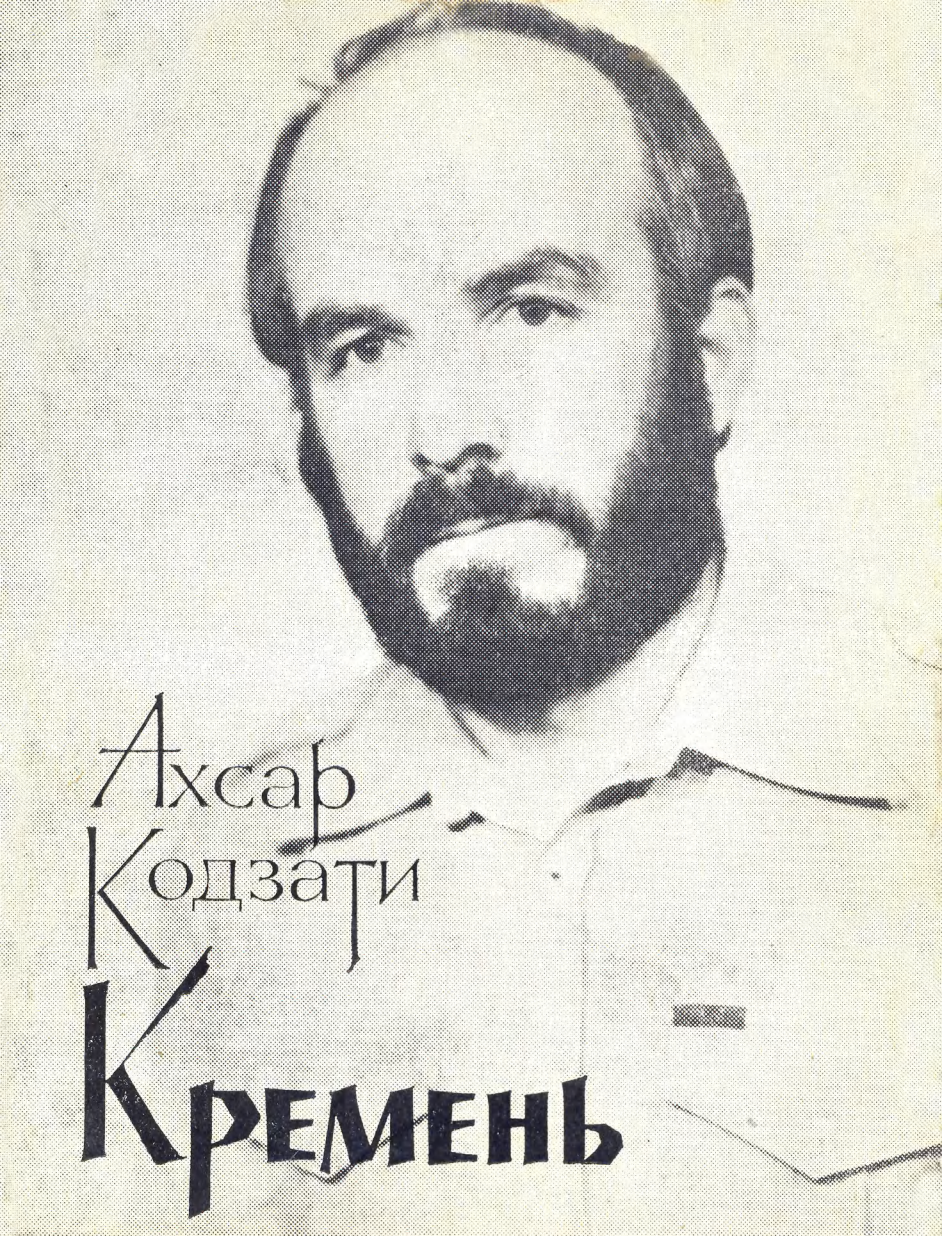

Ахсар Кодзати

Кремень

Отсканировано
в феврале 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2014 азы февралы
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

Ахсар Кодзати

Кремень

Стихи

Перевод с осетинского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

ББК 84. Осет
К 55

Художник
ЮРИЙ ЖИГАЛОВ

К $\frac{4702470000-444}{083(02)-85}$ 402—85

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель»,
1985 г.

* * *

Моя белая яблоня
обессилена бурей осенней,
спит, усталая, слабая,
в царстве детских моих сновидений.

Ее ветки пахучие,
как мечты моей
легкие крылья,
сердце сладостно мучая,
мне в печали опорой служили.

Мои первые радости,
время первых высот
и падений...
Моя белая яблоня,
государство моих устремлений...

* * *

С утра до сумерек
и снова
до рассвета
земля
своими тысячами труб

густым
и черным дымом
пишет
на чистом полотне небес
словно художник кистью
крокодилов
и ядовитых змей...

Но как ни странно
неба лик
дождем умытый
обновляется
став ярче семикратно
и говорит спокойно:
Эй ты не по годам
ребенок развитой
оставь скорее
шалости свои
подумай всякое бывает
что если крокодилы
и змеи ядовитые
вдруг оживут
Ну что тогда?

* * *

Тянется изморозь с неба, просто на тесто похожа.
День изможденный осенний лег на холодное ложе.
Хаос Гармонию душит, он искромсал ее тело.
Вихри над кленом несутся, семя с него облетело.

Лист удержался на ветке, странно, он словно прилип.
Но оборвал его ветер, клена послышался всхлип.
Жалкий листочек с надеждой пал в золотое жнивье.
В пропасть летящий — в былинке видит спасенье свое.

КОРНИ

Корни спят по-зимнему крепко,
все им снятся странные сны:
как целуют лучи весны
толстогубые почки на ветках.

Корни вздрагивают, оживают —
значит, зимние дни прошли!
И как дети искать начинают
материнскую грудь земли.

Мать-земля их досыта кормит,
молоком своим черным поит.
Тихо шепчется корень с корнем,
потеплевшей землею укрыт.

Корни — жизни нашей основа,
эти силы не зря им даны.
Будешь, липа, зеленой снова —
корни видели добрые сны.

БЫЛЬ

Пришла весна. Луч солнца удлинился.
Скворцы вернулись из далеких стран.
Они гнездо устроили в гитаре,
висящей на стене в пустом сарае,
и очень скоро вывели птенцов.

Как странно — и гитара оживилась,
наполнилась мелодией живой,
она три года молча рассыхалась,
теперь же вдруг воскресла, вспоминая
тот дуб, которым некогда была.

В его дупле жила семейка птичья,
и с ними жизнь казалась веселей.
От крика их и легкого порханья
гордился дуб и становился выше...
И тут гитару захватила грусть.

Скворцы, бродяги, что ж вы натворили...

* * *

О любви своей на этом свете
как смогу поведать людям я?
Не молчи, в колосьях шалый ветер,
ты ответь им, черная земля.

О любви своей не скажешь проще.
Кто ее словами объяснит?
Пусть весной о ней расскажет роща
и береза в поле прошумит.

Я хотел бы думать без кручины
о любви к родимой стороне.
Но безмолвны горные вершины,
и молчанье это страшно мне.

ЧАС ПЕРВЫХ ПЕТУХОВ

Ночь — осколок кремня —
черным светом слепит, высекает черные искры.
Не видать
ни улитки,

ни голубогривой реки,
ни пастуха,
ни пастушьей свирели...
Словно исчезли навек
светлячки,
деревья,
совы.
От объятий влюбленных до ножа злодея —
все накрыто шапкой-невидимкой.
Под колыбельную звезд
задремал даже сторож.

Бесконечным добром, нескончаемым злом
беременна ночь.

...По осколку кремня вдруг ударили
куском стали —
первый петух бьет в колокол.

Кого родит ночь?
Злую весть или радость?

ЛИПЫ

Липы о чем-то таинственном
шепчутся голосом лиственным.
В чудное время цветения
сколько в их кронах волнения!
И, облюбованы пчелами,
стали цветы их тяжелыми.
Полон жарою тягучей
воздух пахучий.

Шепчутся голосом лиственным
липы о чем-то таинственном.
Солнце лучами обильными,
словно горячими ливнями,
в липах струится весь день.
В листьях дрожит светотень.
В воздухе тайны разлиты.
Светлые липы!..

БОКАЛ

Кукуруза стала золотистой.
Щелкают созревшие початки,
зернами выстреливая в небо.

Листьями размахивает тыква
и свою шершавую веревку
на тутовник бросила, чтоб к солнцу
ближе быть и солнечным напитком
до краев налить цветов бокалы
и плоды, огромные, как солнце.

А цветок ее желтеет жарко,
желтая пчела в него вползает.
Так, с пчелой внутри, цветок сорвал я
и несу бокал цветка доныне —
эту память солнечного детства.

ЖЕЛУДЬ

Андресу Яаксоо

В камне безродном
он корень пустил,
во мраке холодном
мечту зародил.

Солнце вставало
из темноты.
Счастье взывало
к нему с высоты:

«Медлить не время,
к небу тянись!..»
Камень и семя
в схватке сошлись.

Вырвался к свету
юный побег.
Видели это
буря и снег.

Ветры на круче
свистят во всю мощь.
Мрачные тучи.
Холод и дождь.

Бился, как воин,
рос он, как мог,
счастья достоин —
и одинок.

Нечем напиться —
не засыхал.
Голоса птицы
дуб не слыхал.

Всеми забытый,—
что за судьба?!
Вьюгам открытый.
Жизнь — как борьба.

Листья слетели —
до одного.
Окаменели
корни его.

В небе тяжелом
сумрак навис.
Каменный желудь
катится вниз...

* * *

Топор не жалея срубает березу,
чтоб новое вышло ему топорище.
Я верую в это.
Сосновая спичка легко поджигает
сосновую хвою родимого бора.
Я верую в это.
Но могут ли стать топорище и спичка
густыми деревьями, лесом зеленым?

Дождь облаком в небо поднимется снова.
Я верую в это.
Но камень, когда-то сорвавшийся с кручи,
не в силах уже возвратиться обратно:
мы знаем, что, сколько б его на вершину
Сизиф ни толкал, свой удел проклиная,—
усилья напрасны!

Поэту из Даргавса Алихану
однажды удалось найти в горах
цветок альпийской лилии — ее
он выкопал и посадил у дома,
ухаживал за ней, как за невестой...
Но разразилась буря... Зашумел
вихрь революции, войны гражданской
сраженья... Пал отважный Алихан,
погиб в бою за счастье и свободу...
Был некролог. Сам Бутиан Казбек,
известный деятель, писал в газете:

> «Многострадальные горцы лишились своего вождя, славного сына. Многострадальные горцы осиротели.
>
> Трудно найти правду в нашем прогнившем мире.
>
> Трудно узнать брата среди врагов.
>
> Но, Алихан, тебя не забудут те, за которых ты погиб на великом поле брани. Не будут забыты твои дела, твоя самоотверженная борьба за счастье бедных.
>
> Да будет тебе, Алихан, земля пухом!»

Десятки лет прошли, но и поныне
растет цветок альпийский Алихана,
растет с редиской и укропом рядом,
теперь ухаживает за цветком
сестра родная Алихана, Мару...

Нет памятника воину в Даргавсе,
ни улицы, его носящей имя.
Не говорим мы: площадь Алихана,
библиотека Алихана...

Говорим:
поэмы Токиана Алихана.
Мы говорим: наследье Алихана.

Мы называем именем его
ту лилию, что он принес с горы.
(Чего мы ни о ком другом не скажем.)

КОЛОДЕЦ

В тот тяжкий год,
в засушливое лето,
когда на землю навалилось солнце,
когда кипело, расплавляясь, небо
и проливалось огненным дождем;
когда леса горели, тлели травы
и, как деревья, высыхали реки,
когда от жара трескалась земля,—
в тени горячей не было спасенья,
и мнилось: погибал весь мир от жажды,—
я рыл колодец для односельчан.
Моя спина обуглилась под солнцем.
И пересохло горло.
Черной ртутью
катились капли пота, исчезая
тотча́с в сухой обугленной земле.
Ладони были, как язык воловий,
шершавы, и на них мозоли ныли,
как ноет пень поверженного дуба,
пронзившего корнями груду скал.

Я рыл колодец.
Насыпал я гору
из чернозема, из камней и глины,
так глубоко я вкапывался в землю,
что даже солнце не могло достать
меня своими жгучими лучами.
Работал я и ломом и лопатой.
Хрустя, дымился от ударов гравий.
Искал я путь
к живительной воде.
Вот так в ночной безжизненной пустыне
луч света ищет заплутавший путник.
Так я копал.
Смешались под ногтями
кровь и земля. Не разгибались пальцы.
И силы иссякали у меня.
Когда же сдвинул я последний камень,
из-под него сияющей струею
вдруг брызнула вода. Та, что когда-то
над горной высью облаком плыла.
Которую в лучах держало солнце,
которая в грозу в поля струилась,
которая, пройдя земное сито,
теперь у ног лежала, шевелясь.
В ней умещалось, отражалось небо,
оно в ней всеми красками играло,—
то ль голова кружилась от работы,
то ль радость мне туманила глаза.
И воду эту, смешанную с потом,
посоленную светлыми слезами,
я из ладоней черных жадно пил.
Пусть надо мною кто-то посмеется:
мол, где-то, словно ронг[1], бурлят нарзаны
и чью-то жажду утоляют в зной.
Целительней вода в моем колодце,

[1] Ронг — волшебный напиток.

она в жару для путника — спасенье.
Он доброты источник — мой колодец,
он полнится от сердца моего.
И как из кремня высекают искру,
так из души огонь я высекаю,
чтоб осветить все радости земные
и все людские боли исцелить.

ОСЕТИНСКОЕ СЛОВО

Васо Абаеву

Какой несокрушимой силой ты обладаешь, наше слово!
Столетья ты для нас хранило дыханье очага родного.

Тебя как клятву, не руками — своими стрелами когда-то,
подковами коней на камне писали скифы и сарматы.

Ты, странствуя, искало мира на берегах Днепра и Дона[1],
Мечтой безумной Донбеттыра[2] ты родилось во время оно.

Тебя заковывали в цепи, тебя закапывали в дюны
завоеватели-пришельцы агуры и злодеи гунны.

Копьем твое пронзали тело, но не просило ты пощады,
в тебя отравленные стрелы не раз пускали из засады.

Каких мучений ты не знало, чего не видело на свете,
тебя в беде — и так бывало! — бросали собственные дети...

---

[1] Осетины считаются потомками скифо-сарматских племен.
[2] Донбеттыр — в осетинской мифологии владыка подводного царства.

Но не смирясь, в борьбе кровавой ты воевало, как мужчина,
не уронило нартов славы и древней чести осетина.

И как фатыг[1], ты закалялось в огне смертельного сраженья,
во взорах Коста загоралось огнем высоким вдохновенья.

Ты мой обет, мое владенье, мой небосвод, моря и реки...
Дай мне свое благословенье, проникни в грудь мою навеки!

Ты боль и страсть в груди рождаешь, чтоб в вольных песнях зазвучали.
И эти песни поднимаешь, неся их в солнечные дали.

ПРЕДКИ

Не светит солнце над прошедшим днем.
Но разве можно позабыть о нем?
Меня тот день корнями обволок,
на сердце он тяжелым камнем лег.

Иссякло солнце прожитого дня.
И все ж в золе мерцает тень огня...
Коль затухал очаг наш без углей —
мы грелись от тепла прошедших дней.

---

[1] Фатыг — упоминающаяся в нартском эпосе сталь особого качества.

ДОРОГА

Посвящается строителям
Транскавказской автомагистрали
и Зарамагской ГЭС

1. Голос бездны

Кто б это ни был — вепрь или орел,
летает в небе он иль в чаще рыщет,
куда б ни залетел и ни забрел,
приют последний у меня отыщет.

Эгей, прими совет мой — не зевай!
Гигант ты или хрупкое созданье,
злой или добрый — ты заплатишь дань мне,
платить ее придется, так и знай!

Гора, твой лоб закрыли облака,
со мною говоришь ты свысока,
но и твою я одолею силу.

На дне моем валун, он пожелтел,
он тоже сверху на меня глядел —
вот так и ты найдешь во мне могилу.

2. Голос горы

Слепая бездна, сумеречный дол,
убежище, наполненное смрадом,—
даешь приют ты воронам и гадам,
мои же гости — сокол и орел.

Моя вершина — с солнцем наравне,
мою вершину не измерить взглядом!

ДОРОГА

Посвящается строителям
Транскавказской автомагистрали
и Зарамагской ГЭС

1. Голос бездны

Кто б это ни был — вепрь или орел,
летает в небе он иль в чаще рыщет,
куда б ни залетел и ни забрел,
приют последний у меня отыщет.

Эгей, прими совет мой — не зевай!
Гигант ты или хрупкое созданье,
злой или добрый — ты заплатишь дань мне,
платить ее придется, так и знай!

Гора, твой лоб закрыли облака,
со мною говоришь ты свысока,
но и твою я одолею силу.

На дне моем валун, он пожелтел,
он тоже сверху на меня глядел —
вот так и ты найдешь во мне могилу.

2. Голос горы

Слепая бездна, сумеречный дол,
убежище, наполненное смрадом,—
даешь приют ты воронам и гадам,
мои же гости — сокол и орел.

Моя вершина — с солнцем наравне,
мою вершину не измерить взглядом!

4. Голос Коста

Мы разбежались, свой покинув край...
Коста Хетагуров

Осетия, мой бедный край, чьи взоры
покрыла тьма... Ты сникла перед злом.
Не можешь ты связать одним узлом
язык и веру — всё предмет раздора.

Юг, Север... Наш лавинный край во мгле.
Все, как кроты, в свои забились норы,
и уж никто не чувствует позора,
что две Осетии есть на земле.

Одна — погибшая, где преступленье
посеяло чуму, опустошенье
по прихоти хозяина-раба.

Но есть еще Осетия другая,
и нет для нас на свете лучше края,
он — наша совесть, мужество, судьба.

5. Голос проходчиков

Мы приступом пошли на эти скалы,
стальной бурав наш недра разбудил.
Ломаем камень не жалея сил.
Пройти сквозь эту гору — путь не малый!

Тоннель нас мерзлотою окружил.
Но мы, проходчики, народ бывалый,
мы ищем здесь не уголь, не металлы,
клад поценней золотоносных жил.

Пот на лице у нас — набрякли вены,
кровь на руках у нас — мы рубим стены
гранитные — конца работе нет.

Летят осколки наших душ кремневых,
но нет отчаянья в глазах суровых —
из черной тьмы мы добываем Свет.

6. Голос тоннеля

Да, я родился, чудо совершилось.
Гора отныне голос обрела.
Осетия века меня ждала,
ей в лучших снах минута эта снилась.

Неси же, человек, добро и милость
через меня. Великие дела
твори, чтоб жизнь не знала больше зла
и, обретя покой, преобразилась.

Открылось небо каменной твердыне!
Пускай же две Осетии отныне
объединятся славою одной.

Как нартов песнь, как вещий звук свирели,
мой голос слышится и в подземелье,
и в вышине, от солнца золотой.

7. Голос Зарамагского озера

Не знаю я, откуда ты и кто ты,
но если ты как друг пришел сюда,
пусть впрок тебе пойдут хлеб и вода
Осетии и все ее щедроты.

Будь проклят тот, кто на ее заботы
ответит злом, кому милей вражда,
пусть в пропасти он сгинет без следа,
и пусть стервятники с ним сводят счеты.

Знай, если мир несешь ты осетинам,
то и Осетии ты будешь сыном,
навечно связанным с ее судьбой.

Мой ронг небесной синевой заквашен,
свет наших гор в моей волшебной чаше,
взгляни — Уацамонга[1] пред тобой.

8. Голос затопленной башни

Здесь семь веков тьма заслоняла свет.
Свинцовый ливень шел зимой и летом...
И все же я не рухнула при этом
от камня своего в годину бед.

Теперь доспехи тех кровавых лет
хранит музей. Воспетая поэтом,
озарена я славы ярким светом.
Погибла я. Но в том виновных нет.

Я как корабль затопленный лежу
на дне долины и теперь служу
приютом рыбам и малькам пугливым.

Но если снова закипит война,
я по тревоге поднимусь со дна...
Погибла я, чтоб счастье принести вам!

---

[1] Уацамонга — волшебная чаша нартов.

9. Голос автора

Ты в сердце строишь башню — в добрый час,
чтоб грусть твоя и радость в ней звучала.
Так извлекай из недр звезду кристалла,
чтоб чудным блеском радовал он глаз.

Ты каждый камень поверни семь раз,
как поворачивал Дзодзи[1], бывало,
и стены складывай не как попало,
чтоб выстояли, пережив всех нас.

Высокий свод звездою не украшен,
пол не янтарный, как у древних башен,
но стены монолитные крепки.

Быть может, гость, пришедший к нам с равнины,
ее увидев, скажет: «Осетины
как их седые горы высоки».

---

[1] Дзодзи — легендарный искусный строитель башен.

ПАСТУХ

В доме весны открытом,
в солнечной тишине,
чей-то напев забытый
сердце тревожит мне.

Бледные краски рассвета...
И на вершинах — лед...
Голос послышался где-то,
кто-то меня зовет.

Чья-то любовь осталась
в сердце, окаменев...
Вновь эту боль и жалость
тихий будит напев.

Там, на скале отвесной,
вдаль устремляя взор,
бродит пастух безвестный,
древний ровесник гор.

Так в бесконечных веснах
овцы и облака...
Только свирель да посох
спутники пастуха.

Их завещали когда-то
предки в свой смертный час.
Их, как священную клятву,
внукам он передаст.

Посох — слуга и опора
в праздники и в страду,
делит он с ним лет сорок
радость свою и беду.

...Очи свирели ослепли,
в них онемела печаль —
в рыжем огне и пепле
видится прошлого даль...

Ветер войны свирепый
вопли людские донес...
В черных глазах свирели
капли горючих слез.

Нет в Осетии мира,
дым застилает простор...
Грозно над башнями Ира[1]
вспыхнул сигнальный костер.

Черная весть лавиной
вспенилась над страной.
В путь снарядились мужчины
биться за край родной.

БАШНЯ КОЛА[2]

Эй, Ко́ла!
Пусть к вам приду не я, а мир и счастье!
Скажи, что за беда у вас случилась?
Быть может, вашу башню снес обвал?
Кто растащил по камушку ее?
Лавина
или ураган?

---

[1] Ир — древнее название Осетии.

[2] Кола — название башни, в честь реально существовавшего человека.

Быть может,
ее разрушил вероломный враг?
— Не ураган, не буря и не враг,
по камушку всю башню растащили
односельчане для оград и саклей...
— Да будет в вашем доме благодать!
Пусть беды, что постигли ваших дедов,
нам не придется видеть и во сне.

Когда на них катился снизу вверх
огромный камень гнета и бесправья,
а очаги гасила кровь,
то небо
отчизны нашей четырьмя краями
надежно опиралось на таких,
как Бега и Ака[1], а перед смертью
молился витязь так: «О, преврати
меня, создатель, в камень, чтобы мною
стена у нашей башни укрепилась!»

И витязь Ира превращался в камень.

И если стены ваших мирных саклей,
где тишина хранит ваш мирный сон,
однажды ночью вдруг заговорят
на языке людей, они расскажут
младенцам вашим
о своих боях,
как жизни предпочли они свободу
и честь Отчизны,—
человеки-скалы!

Как грянул град из красных головешек,
иль небеса
обрушились на них?

---

[1] Бега, Ака — легендарные воители Осетии.

Но песня осетинская
все так же
гремела, как в бою летящий воин,
сливаясь с облаками в вышине:
Пусть никогда не родится
Витязь, подобный Бега,
А уж если родится,
Пусть никогда не умрет!

И вот огонь подкрался... красной лапой
схватил за горло песню...
Смолкла башня...
Все трещины и щели в древних стенах
залиты были кровью как раствором...
Из рта ее наружу вылетали
дым, пепел, вопли,
плач и причитанья...

О Кола!
Если стены мирных саклей
однажды ночью вдруг заговорят —
не видеть вам приятных сновидений,
начнут кричать младенцы в колыбелях...

Пусть бог от этого убережет вас...

Желаю вам:
Пусть не родится
Витязь, подобный Бега,
А уж если родится,
Пусть превратится в башню, чьи стены
Не рухнут от собственного камня!

ПЕСНЬ ДЗАМБОЛАТА

Молодому осетинскому поэту, живущему в Турции, Бурхану-Дзамболату[1]

1. Меч

Меч звался: Страж покоя Властелина.
Отточенный, рубил он безупречно,
мог надвое он волос разрубить.
Однажды меч достался своему —
проклятому злодею-осетину.

(Есть камень свой, который рушит башню,
зато в чужих руках он — острый серп.
Есть дерево свое, что топорищем
становится и истребляет лес.)

И этот «свой» обрушил меч на брата —
и сердце осетинское рассек.
Земля разверзлась под ногами, небо
обрушилось на нас, как камни гор...

---

[1] Во второй половине XIX века, в результате провокаций турецких агентов, часть горцев переселилась в Турцию. Это было бедствием для сотен обманутых людей. Главарем переселенцев был генерал М. Кундухов, по национальности осетин. Бурхан-Дзамболат потомок этих переселенцев.

2. Голос Темирболата[1]

О Гамлет, Гамлет...
Стрелой вопрос твой в сердце мне направлен.
Изрешеченным я его унес
с собою на чужбину... В нем по капле
сочится горе... Веру потерял я
средь опаленных пламенем дорог.

Вот на моей ладони горсть песка,
как больно жжет он руку,
точно льдинка!
Его сжимаю я — и он шуршит
безжизненно, сжимаю все сильней.
Но, не соединяясь, он сочится
меж пальцев, утекает, как вода.

У нас когда-то
было две надежды —
Грядущее и Прошлое — два клада,
два нежных пика — Черная гора
и Белая гора — над ними птица
не пролетала, с них как на ладони
был виден мир.
Вокруг седых вершин,
плескаясь словно рыбы, плыли звезды.
Была наполнена Уацамонга
напитком искристым, волшебным ронгом,—
им солнце угощало облака.

Однажды прилетел Двуглавый Дьявол.
Из глаз его зловещих, как из сита,

---

[1] Темирболат — первый осетинский поэт.

сочился черный яд
и, вспыхнув, капал
в ущелье наших гор...
Его утроба
была ужасна, он когтями рвал
свод неба... По вершинам белоснежным
ступал своими грязными ногами...
Но в трудный час мы не смогли сплотиться.
Мы в одиночку между гор метались,
покинула нас Правда в час беды,
обидевшись, от нас закрылась в храме...

Идти вперед — но там зияет бездна,
назад — там истребляет нас тиран...

Как оброненное с арбы зерно
упала в колею больная песня —
мой крик последний, горький мой призыв,
он задыхается в пыли, он стонет,
вот-вот его раздавит Колесо...
Как мальчик пишет углем на стене,
так я
писал мою больную песню
обугленными нервами, быть может,
мой голос понесет она в отчизну...

О Гамлет, Гамлет...

3. Луна

Несколько лет назад мой товарищ Мурат Мамсуров был в Турции и посетил живущих там осетин. Когда он прощался, хозяин ему сказал: «Кто знает, может быть, нам не придется больше увидеться. Заклинаем тебя: первый день каждого месяца в восемь часов вечера смотри на луну. То же самое будем делать и мы. Так мы будем вспоминать друг друга...»

Бурхан,
далекий брат мой,
у тебя
сегодня вечером, наверно, праздник.
Наверно, ты, поникнув головой,
все бродишь по Горе Воспоминаний
и вновь на небо обращаешь взгляд:
луна застряла где-то за отрогом
горы. Ты погружен в свои раздумья.
Ты думаешь:
«Бог покарал народ мой —
Отчизна наша на земле,
а мы
ее все ищем на луне и звездах!»

Вот, бледная как смерть, луна выходит,
но где же та, чей образ ищешь ты,
кого лишен ты, кто тебя лишился?
Осетия! Ты дальше, чем луна...

4. Первая песня Бурхана-Дзамболата[1]

В этом мире, где жизнь — прозябанье,
друг мой, песен веселых не жди.
Петь? Но как, если даже дыханья
не хватает порою в груди?

[1] Здесь и далее используются мотивы стихов Бурхана-Дзамболата.

Нашу веру тираны топтали,
а мечту обезглавил палач.
Голос мой — это вздохи печали,
голос мой — это горестный плач.

Сердце будет как прежде здорово,
если слезы на сердце прольешь.
Обесценено доброе слово,
всюду подлость, коварство и ложь.

Тот ума у приятеля занял —
наставления детям дает,
тот чужое добро прикарманил —
и, насытившись, песню поет.

С давних пор об одном я молюсь:
сердце, стань в трудный час мой — скалою!
Моя совесть, смотри же, не струсь!
Будь готово, бесстрашие, к бою!

5. Вторая песня Бурхана-Дзамболата

Если стал наш мир позорным,
если правды в нем на грош,
белое зовется черным
и у власти тьма и ложь,
кем я должен стать — слепым?

Если правду судят криво,
все понятия сместив,
если песня наша лжива
и фальшив ее мотив,
кем я должен стать — немым?

Если место лучших — плаха,
честь и совесть — лишний груз,
а живой дрожит от страха
и стыда не знает трус,
разве выход — смерть одна?

6. Сон

Бурхан,
мой брат,
ты пишешь:
«Это странно,
я вижу
еженощно
тот же сон:
как будто все пространство предо мною
становится вдруг морем
черной грязи
и я на лодке
среди волн качаюсь,
гребу, гребу
и обливаюсь пóтом
и грязью, но никак не сдвинусь с места...
На миг
закрыв глаза,
вдали увидел
заснеженные горные вершины,
как острия мечей
под синим небом,
и башни из камней,
река в ущелье
(ее тревожный шум над ней, как знамя),
и чей-то зов:
«Бурхан!
мой брат, сюда!»
И руки тянутся обнять кого-то,

но тут же камнем падают на весла,
как будто бы отрубленные саблей...
Вновь открываются глаза — беда,
какая там река, какие башни —
с небес свисают грязные лохмотья,
стекает на голову тьма и слякоть...

О эта тьма...
Как от нее спастись?
Где от нее укрыться?
Море грязи...
Где берег?
И когда утихнет ливень
проклятый?
О, простишь ли ты меня,
земля отцов, мой еженощный сон?
Когда ж изгнанию придет конец,
Осетия?!

7. Гора

Бурхан,
мой брат,
я вижу,
как в очаг
Отечества, из-за семи морей
бросаешь ты, чтоб не угас огонь,
дрова — они пропитаны слезами.
Но сам не можешь у огня согреться!
Лишенный родины — себя лишился,
он словно бык на пашне.
Чем он ей поможет?
Сегодня человек преодолел
подъем к вершине, атом покорил,
достиг луны. Но есть одна гора,
которую осилить невозможно.

8. Голос надежды

О, будьте, братья, терпеливы,
еще блеснет из мрака луч,
развеет ветер мрак дождливый
и разметет лохмотья туч.

Иль небо к нашим стонам глухо?
Затянут снегом небосклон,
как будто там прядет старуха,
вертя сто тысяч веретен.

Но хоть подолом грязной тучи
закрыт лазурный небосвод,
сквозь тьму пробьется луч могучий,
конец насилию придет.

И хоть на холмах скирды мокнут
и дров в сараях больше нет,
пускай сердца в беде не дрогнут
и веры не погаснет свет.

Брат, если небо так сурово
и так далек родимый край,
из нитей ливня ледяного
Надежды радугу сплетай!

ГОРЕЦ

Я — брат нарта Сосла́на[1] — из камня рожден.
Я — сын Сата́ны, меня не родившей.
Когда я в мир пришел — как повитухи,
вокруг теснились камни.
Был камень для меня столом и спичкой:
из кремня я высекал огонь.
Защитой и убийцей был мне камень.

Он книгой был: я долотом писал на скалах.

Моя горькая песня была не слышна из Осетии,
билась, как в подземелье.
Меня учили: вытягивай ноги
по длине своего ложа.
О нет!
Разве можно сердце заковывать в цепи?
Разве можно обрезать своей песне крылья?
Ведь станешь похожим на нарта Сослана,
Сына Белого Камня, что все-таки был поражен...

Где-то катится по земле Балса́гово колесо...

---

[1] Нарт Сослан родился из камня, оплодотворенного небожителем Уастырджи при виде полуобнаженной Сатаны. Взрастившую его Сатану он называл своей «не родившей его матерью». Тотчас по рождении Сослан был подвергнут закалке в волчьем молоке и стал неуязвим. Но корыто, в которое его погрузили при закалке, было слишком коротким, и он лежал с согнутыми в коленях ногами. В результате колени его оказались уязвимыми, чем и воспользовалось впоследствии убившее его «Балсагово колесо».

ОСЕННЯЯ ВОДА

1

Когда-то сильная река,
теперь — не больше ручейка.
Ее не то что пешеход —
любая птица перейдет.

2

В тот памятный год
небывало разлился Терек.
Вздутые черные воды взбешенной реки
не умещались уже в своем русле
и в неистовой злобе
грызли обрывистый берег.

Выйдя из берегов,
Терек выл и стонал,
перемалывал камни и поваленные деревья,
в ожесточенье
острова, сотворенные им же,
размывал и хлестал разъяренной волной.
Он с корнем вырвал, смыл
кусты облепихи, плакучие ивы, терновник,
истоптал и швырнул их на корм скоту.
Маки, конский щавель, камыши
были не в силах подняться —
из-под ила доносился их плач.
Черными от грязи лапами
Терек где-то схватил колыбель
и крутил ее среди острых порогов.

И тогда я подумал:
уж не вырвет ли это чудовище
корни Осетии,
если нет для него ничего святого,
если поднял он руку
на детскую колыбель?
И ужас объял мое сердце:
вдруг лежал в колыбели ребенок
и его поглотила пучина?
Боже мой!

3

Процеженный холодными ветрами,
оглядывал он дело рук своих.
Полдневный свет притихшими волнами
играл, насквозь просвечивая их.

Уставший Терек снял свои оковы
с истерзанных камней и берегов.
И черный ворон, улететь готовый,
испуганно глядит из тростников.

Как будто лета не было в помине.
Вершины гор окутали снега.
Моя душа, ты посветлела ныне,
как эта присмиревшая река.

Лишь белизну глаза кругом встречают,
испуг и горечь улеглись во мне,
кораблики бумажные качают
их, словно в детстве, на седой волне.

РОДНОЕ СЕЛО

Вода в ручейке иссякла.
Осталось сухое русло.
Белобрюхие камни,
как мертвые рыбы, сохнут на солнце.

Музыка ушла.
Опустела скрипка.
Инеем в ее раковине
осела белая пыль.

Мельница мелет впустую:
вся мука утекла в мешки.
Сражаясь друг с другом,
скрежещут, хрипят жернова.

Дуб ушел.
Его тень, словно нартский ковер-самолет,
умчала с собой
мое детство — вчерашнюю радость.

Улетел мой отчаянный крик.
Только эхо осталось:
ни живо — ни мертво.
Открытые пасти ущелий
передавали его сегодня
всей округе.

УТРЕННЯЯ СКАЗКА

Солнце на́ плечи вершина
Утром подняла —
Не горянка ли с кувшином
По тропе сошла?

Деревца затрепетали
От ночной росы.
И полны они печали,
Тайны и красы.

В косах их сверкают прядки
Золотой мечты,
Смотрят с завистью, украдкой
Травы и цветы.

Вдруг кувшин разбился... Боже!
На камнях вершин
Раскололось солнце тоже,
Как с водой кувшин.

Вмиг пронзили всю долину
Острые мечи.
Полетели вниз лавиной
Жаркие лучи.

Водопады напитались
Золотом густым.
Утоленье жажды дали
Тварям всем земным.

Что за голос, что он значит?
В нем слышна печаль.
Это горы горьким плачем
Оглашают даль.

ЗНОЙ

Ледники в зной этот тяжкий
Могут сделаться рекой...
Жажда мучит и букашку,
Всюду властвует покой.

Духота ползет к вершинам,
Солнца луч и тот поник.
Одолел нас гуд мушиный,
Шелестит сухой тростник.

И колодцы обмелели,
В родниках воды на дне.
Кружит день-деньской без цели
Черный коршун в вышине.

Круг — над лесом, круг —
над крышей,—
Тесно крыльям смельчака.
...Но уже походом вышли —
Строй за строем — облака...

Коршун!
Скоро ли паренье
Прекратишь ты в небесах?
Лишь мелькнешь ты легкой тенью,
Куры прячутся в смятенье,
Ты на них наводишь страх.

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА МЕСТА

Недавно в саклю вечером ко мне,
едва затеплился свет лампы слабый,
явилась гостья:
через щель в стене
протиснулась коричневая жаба.

И пристально
глядит из темноты.
Эй, пучеглазая,
скажи, в чем дело?
Зачем пришла?
Поведать хочешь ты,
что у тебя на сердце накипело?

Входи, садись.
Могу и чаю дать.
Душистого и крепкого
на славу!
Ты место здесь свое
пришла занять?
Пожалуйста, оно твое по праву.

Недаром бабка
в старые года
(а ей-то было многое известно!)
тебя не прогоняла никогда,
считая
покровительницей места.

И если это только не слова,
доволен я, что ты ко мне явилась,
я с радостью верну
твои права.

Но будь добра
и ты мне сделай милость:

та́к сделай,
чтобы хам и лизоблюд
над совестью и честью не смеялись,
чтобы исчезли вор, наглец и плут
и больше никогда
не появлялись!

Чтобы мошенник и полуподлец
нас с важным видом
не учил морали,
чтоб недоброжелатель, шут и лжец
почетных мест
нигде не занимали!

ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Вороны принесли с собой ненастье.
Они как люди на похоронах.
От крика их стемнело в одночасье.
Размокло лето прямо на глазах.

День в пятнах туч.
Луч солнца золотистый
повис с горы оборванной струной...
Дождь босиком прошел по мертвым листьям,
их желтый звон смешав с сырой землей.

ЛЕДОХОД

Пора очнуться нам от летаргии,
пора отдать себя под власть весны,
сорвать с души оковы ледяные,—
ведь мы еще по-прежнему сильны!

Весна, как революция, как бунт,
мосты возводит от земли до неба,
и талою водой уходят в грунт
пласты растопленного солнцем снега.

И Терек просыпается, рыча,
весь в льдинах расколовшихся и в искрах,—
уже не прежний раб паралича,
он снова своеволен и неистов.

ТЕРЕК

1. В горах

Как он бесчинствует, как гневом пышет
в разливе бешено летящих вод!
Он как скакун, что учащенно дышит
и с молнией в крови летит вперед.

То схватит камни вдруг, чтоб разбросать
как горсть камней игральных, мимоходом,
все руша, что его кипящим водам
помехой на пути посмело стать.

Он поседел от горя и борьбы,
он в гневе не щадит
ни рощ, ни пашен,
он, верно, смёл бы основанья башен,
когда б разбил их каменные лбы...

Так мчится он, могучий, полноводный,
и рев его звучит, как дальний гром,
и пожирает, точно зверь голодный,
ручьи и реки на пути своем.

Все родники, что из земли забили,
ручьи, стремящиеся из стремнин,
при помощи диктата и насилья
соединяет он в поток один.

Изведав бешеный его напор,
смолкают водопады в тьме ущелий,
и волны, словно чуя близость цели,
стремительно летят в морской простор.

2. На равнине

В ущельях горных Терек как в неволе,
и потому он их покинуть рад.
В степи голодной для него приволье,
ведь нет здесь ни ловушек, ни преград.

С трудом одолевая путь свой дальний,
плетется к морю он почти без сил,
и на его поверхности зеркальной
уже не видно мускулов и жил.

Ни бешенства, ни зла. Утихли страсти,
ничто его уже не горячит.
Так, наконец, достигнув полной власти,
во власти лени сам он дни влачит.

Он яростной волной не бьет о берег,
не бьется, словно пойманный орел,
и кажется порой, бедняга Терек
в успокоенье смерть свою нашел.

Но нет, не верьте, лень не покорила
упрямый нрав, пыл грозный не погас,
и жилистая, словно корень, сила
живет в глубинах, скрытая от глаз.

3. В море

Волна растет, клубится, громыхает,
не задержать ее безумный бег.
И Терек вновь горою стать мечтает,
где на вершине пена, точно снег.

СОСЛАНБЕК ЁДЗИОН[1]

Пусть слава того называет слугой,
кто ею прельстился с охотой...
На Хурхор-горе под чинарой густой
был занят ваятель работой.

Предутренней ранью в туманной тиши
спешил он в свою мастерскую,
чтоб в жертву великому Уастырджи
отдать свою душу благую.

И камень пред ним начинал пламенеть,
светились гранитные плиты.
Резец был похож на волшебную плеть[2].
Кровь капала с пальцев разбитых.

Храни же нас, каменный Уастырджи!
Об этом мечтал твой создатель:
недаром бессмертную силу души
вдохнул в тебя старый ваятель!

---

[1] Сосланбек Ёдзион — выдающийся осетинский художник и скульптор.

[2] В осетинских сказках от прикосновения волшебной плети люди превращаются в животных, в неодушевленные предметы, а последние — в людей.

КАМЕННАЯ БАЛЛАДА

Был он магмой, был вулканом,
но потом остыл навеки:
страсть борьбы застыла в камне,
солнце в нем смежило веки.

Врос он в скалы, жилкой каждой
пребывал в глухом забвенье.
Но у скульптора однажды
пробудил он вдохновенье.

Высекая искры сталью,
долго тот над камнем бился.
А в селе уже шептали:
«Едзион ума лишился...»

И когда душа живая
в камне вдруг заговорила,
два огня в один свивая,
бросил Едзион зубило.

Взвилось пламя над горою —
это ожил камень снова...
Так принес старик с собою
славу для села родного.

КОСТА

1. Искушение

Зачем печалью душу надрывать?
Забудь, Коста, о горе и тревогах[1].
Ведь люди все века со злом боролись
и все же мир исправить не смогли.

И ты с жестоким временем своим,
как богатырь,
вступил в единоборство.
Но недостойны благодатной доли
все те, кому желаешь ты добра.

О гибели Осетии твой клич
не то что мертвым — он живым не слышен.
И если ты помог кому-то нынче,
тот завтра назовет тебя глупцом.

Страдания Осетии родной
твои глаза тоскою наполняют.
И ты решил, что бусинку желаний —
фардыг цикуру[2] — вырвал у змеи...

Не обольщайся. Не тревожь богов:
твои слова для них — пустые звуки.
Все наши мудрецы шутам подобны.
И часто глупость подчиняет нас.

Красавиц ясноокиx не страшись,
смотри: как снег, белы у них колени;

---

[1] У Коста Хетагурова есть стихи под названиями «Горе» и «Тревога».

[2] У осетин существует поверье: у того, кто достанет фардыг цикуру (бусинку желаний), исполнится любое желание.

они, взглянув, навеки околдуют...
Смирись, Коста, и сердцу подчинись.

Зачем ты губишь молодость свою?
Вино и женщины — вершина счастья...
Пойдем, Коста, гулять и веселиться!
Жизнь коротка. В гроб не возьмешь ее.

2. Ответ

Была душа моя светлым-светла,
чиста, как голубой ледник Казбека.
Для радости и счастья рождена,
теперь она от горя почернела.

Под нашим небом стонам нет конца.
Прислужники врагов нас погубили.
Они народ загнали под ярмо,
в жестокости врагу не уступая.

Спокон веков злодеи всех мастей
о нашу славу ноги вытирали.
И хищный мир играл с душой народа,
как сытый зверь с добычею своей.

Я из сучка березы смастерил
себе фандыр[1] и вместо струн приладил
седые вдовьи волосы, по ним
провел я тетивой тугого лука.

Родился гневный и тревожный звук —
и песня горя, что сжимала горло,
вдруг прорвалась, как яростный поток,
и хлынула в долины и ущелья.

---

[1] Фандыр — скрипка.

Я скорбно пел (и слезы лил фандыр)
о наших угасающих надеждах,
про то, как мы уродуем язык...
О господи, уж лучше нам погибнуть!
Мы не способны край свой защитить
и, как волы, влачим позорно рабство.
За теплое местечко, за гроши
угодничать спешим и унижаться.

Кто режет хвост у дохлого коня,
кто, словно мышь, в свою нору забился,
те не однажды звали и меня
в людской крови жиреть
и пресмыкаться.

Но если только предпочту и я
вино, веселье, женские колени,
меня мой враг на острие копья
подцепит, будто тряпку, на постели...

Пусть назовут безумцем и шутом,—
но никогда я не был подхалимом.
Предать народ?
Обычаи забыть?
Уж лучше сердце бросить псам дворовым!

Я пел, вознагражденья не ища.
О славе не мечтая, петь я буду,
покуда есть на свете человек,
что говорит еще на осетинском,
пусть даже тем единственным на свете
я буду сам!

ДУХ ОСЕТИИ

Осетия, меня не нужно нищим звать,
когда спрошу огня и попрошу напиться,—
ты дай мне пядь земли, коль негде будет спать,
и солнечных лучей ты дай мне, чтоб укрыться.

О небо, поделись со мною синевой,
дай хоть одну звезду из тысяч звезд вселенной.
О буйный водопад, меня ты удостой
летящею водой, сияюще-мгновенной.

И если ты в полет позвал меня, орел,
то одолжи мне крылья, зоркость и отвагу.
Пусть туча надо мной раскинет свой подол —
без молнии в горах нельзя ступить и шагу.

Хочу, чтоб горный кварц мне твердости придал,
и пусть ледник меня научит хладнокровью.
Хочу до дна испить любви хмельной бокал:
о девушка, приди со всей своей любовью!

Эй, нартовский фандыр, хотя б одну струну,
чтоб я не заскучал, мне одолжи в дорогу!
С таким-то багажом я Музе подмигну:
теперь нам не пропасть, уйми свою тревогу.

Я покорю Уаз, и на горе Святой
к богам я обращусь в их неземные дали.
И пусть подлунный мир услышит голос мой,
все радости мои узнает и печали.

Да, целый мир волшебный в сердце у меня,
ведь духом никогда я не был нищим.
Дай мне, Уастырджи[1], трехногого коня,—
и навсегда прощай, мое жилище!

---

[1] Уастырджи — в осетинской мифологии покровитель мужчин, путников. По преданию, его конь был трехногим.

СЛОВО

Слово похоже на того, кто его говорит.
Из пословиц моей бабушки Циныг

1

Если кто-то не хозяин слова —
слово остается беспризорным.
Это слово подшутить готово
над его бессилием позорным.

Это слово как ягненок малый,
что отстал на выпасе от стада,
как изгой, как странник одичалый,
нарушитель благости и лада.

Слово увядало.
Начинало
забывать о назначенье главном.
Слово изменяло,
не прощало
сотворившему его бесправным.

Слово становилось злым, коварным,
не самим собой, а чьей-то тенью,
выскочкой, делягою бездарным
и насмешек всяческих мишенью.

2

У того, кто покупает слово,
продает его, берет взаймы,
чести нет, нет ничего святого,
на него с презреньем смотрим мы.

3

Мастер золотого слова, пробу
высшей марки ставь, пророк, на нем!
Высекай из сердца искры, чтобы
одухотворить его огнем!

Сдерни маску, чтобы все вернулось —
ясные черты его и цвет.
Если слово в песне улыбнулось,
как ребенок,— значит, ты поэт.

4

Предки говорили: знает всякий —
сердце чувствуют и дети, и собаки.

АРТТИГ[1]

Стальной наконечник, стрелы острие —
три ярких огня твои грани.
Три нартские[2] клятвы жгут сердце мое,
как три незажившие раны.

Горишь ты на солнце, как пламя костра,
но древняя сталь холодна и остра.

Смертельной закалкой наводишь ты страх.
Пропитан ты кровью и ядом.
Твой лук превратился давно уже в прах,
но ты не затронут распадом.

В сегодняшний день ты летишь без преград,
теперь для меня предназначен твой яд.

Стальной наконечник, оружье отцов,
тобою сражен я незримо.
В бесценной шкатулке грядущих годов
ты будешь сверкать негасимо.

Сверкай же, арттиг! — Три небесных огня...
Не тронет тебя укоризна.
Три нартских завета в груди у меня:
Свобода,
Любовь
и Отчизна.

---

[1] Арттиг — в нартском эпосе — трехгранный стальной наконечник стрелы, ассоциируется также с понятием: огнегранный (арт — огонь, арта — три).

[2] Нарты — герои эпоса — делились на три могущественных рода.

ДЕРЕВЬЯ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Многие березы в Ясной Поляне посадил сам Лев Толстой.

1. Фарн Толстого

Есть у земли, как и у звезд, лучи.
Неяркий свет берез напоминает
дрожащее мерцание свечи,
что путь во мгле столетьям освещает.

И кажется — из-под земли забил
фонтан, взлетая ввысь, под купол синий...
Когда-то сердце здесь свое зарыл
белобородый муж, пророк России.

Эй! Лес гудит. И это гнева взрыв,
как будто ярость мира здесь скопилась
и время, крылья мощные раскрыв,
незримое, по небу проносилось.

Есть у сердец, как и у звезд, лучи —
недаром свет берез напоминает
сияние мерцающей свечи,
что путь во мгле столетьям освещает.

Мне чудится — прошли чредой года.
На всей земле, зарею осиянной,
исчезла зависть, ненависть, вражда,
мир стал огромной Ясною Поляной.

2. Могила

Деревья, отдохните, вы устали.
У вас еще столетья впереди.
Меня, платаном, сникшим от печали,
Лесник, ты в эту землю посади.

Могила безымянная, простая,
Как сердце безутешное скорбит...
А где-то гордо высится, сверкая,
чужою кровью политой, гранит.

А где-то...
Силой почести добыты.
Будь прокляты деяния царей!
Тот для себя воздвигнул пирамиду,
над тем горой вознесся мавзолей.

По спинам их чредой проходят годы,
в их трещинах растет полынь-трава.
Стоят они — гигантские колоды,
как будто время колет здесь дрова.

В них прах тиранов. Фарс их скоротечный
и имя стало отзвуком пустым.
Проигран спор со временем извечный,
тот самый спор, что выигран Толстым.

Его могила, почестей не зная,
слепым Гомером шествует во мгле...
Так, умерев, Толстой лишился рая,
но рай его остался на земле.

3. Дерево бедных

В имении Ясная Поляна посреди двора растет огромный вяз. Обычно под ним стояли крестьяне, приходившие к Толстому за помощью и советом. Дерево и само похоже на бедного крестьянина: одна его ветка протянута к дому, словно рука, просящая подаяние. К стволу прикреплен колокольчик. Когда-то он висел на дереве свободно, но по мере того как ствол утолщался, колокольчик вонзался в его кору и сейчас почти скрылся в толще ствола.

Бродяга вяз, откуда ты пришел?
Как нищий, что провел свой век в лишеньях,
согнулся ты, твой одряхлевший ствол
хранит следы невзгод и бурь осенних.

За хлебом ли для сирых и больных,
за лаской ли сухие тянешь руки?
Еще лежат в узлах корней твоих
их горести, заботы их и муки.

Твой ржавый колокольчик как клинок
вонзился в плоть твою и там остался,
он рот раскрыл, но крик издать не мог
и состраданья к боли не дождался.

Быть может, вяз, в чье тело он проник,
сдавил его всей силою своею,
остановил трепещущий язык
и задушил его, обняв за шею.

Когда война палит огнем поля,
не сострадая ни живым, ни павшим,
мне этим вязом кажется земля,
а правда — колоколом замолчавшим.

4. Два рояля

В гостиной Дома-музея стоят два рояля.
На них часто играл Лев Толстой.

Черней земли два черные рояля,
как братья в трауре они стоят.
Ослепшие от вековой печали,
беззвучно плачут, глядя в тихий сад.

Стоят, как будто онемев навеки,
вперив в окно незрячий тусклый взор.
А за окном качает ветер ветки
и старый парк бушует, как костер.

И кажется, дотронься — дрогнут струны,
и комната вдруг оживится вновь,
развеется печальный сумрак лунный,
расправит крылья легкие любовь.

Но это ожидание напрасно —
здесь немо все. Здесь царство тишины.
Безмолвие царит здесь полновластно,
и клавиши ему подчинены.

Как плакали их струны в дни былые,
сменяя ликованием печаль!
Как свет звезды,
как рыбки золотые,
плывущие по небосводу вдаль.

Они как птицы пели, не смолкая,
волнуя души пением своим,
и, слыша это, музыка лесная
стучалась в окна, отвечая им.

Она была для них воспоминаньем
о днях, когда деревьями весной
они стояли, залиты сияньем,
заслушиваясь музыкой лесной...

О чем грустят они? Что им не спится?
Все ждут хозяина, в окно глядят...
Хозяин их домой не возвратится.
Из вечности дороги нет назад.

ГОРНАЯ МЕЛЬНИЦА ЗИМОЙ

Роняет слезы мельница, и ветер
безжалостный их превращает в лед.
Но, за соски приняв сосульки эти,
их солнце, как козленочек, сосет.

* * *

Улица отказалась от цивилизации: спит, как дикарь.

Ояр Вациетис

Сгущалась ночь.
Город спал непробудным сном.
По волшебному мановению
вдруг
воскресли мертвые деревья,
словно над ними сжалился
привратник царства теней Ами́нон.

Столбы порвали провода, будто упряжь,
сбросили в грязь фонари,—
пошли искать свои былые ветви...

Кресла
ручками вырвали стальные пружины
и вприпрыжку припустились в лес.

Трехногий стол
скинул кувшин с волшебным напитком
и ускакал, точно трехногий конь Уастырджи.

Кровать ускользнула тайком, как лунатик,
оставив влюбленных в объятьях.

Книги вытравили со своих страниц буквы
и сбежали из шкафа,
проклиная свое заточенье.

Шкаф, сделанный из того же дерева, что и книги,
хотел их предать,
но, догадавшись, в чем дело,
пустился за ними вслед.

Недопечатанные газеты
выпорхнули из типографских станков,
словно дикие голуби,
на лету срывая с себя, как репьи,
еще не просохшие строки.

Бежали к ночному лесу
стропила, корзины, плетни,
бочки, калитки, карандаши,
половицы, подпорки фасоли...
Сам полосатый шлагбаум,
скача по одной ноге,
сбежал от того села, где был карантин.

Когда город проснулся,
он выглядел опустелым двором.
От многих домов остались
только печные трубы.

В тот день в лесу
шумел веселый пир.
Пятисотлетний Дуб
был тамадой.

СТИХИ ОБ АРМЕНИИ

1. Высокая страна

Кажется, что на каменных ветках
набухают почки.
Сила рук
и доброта сердец
оживляют мертвые скалы.
Глядя на них, я думаю:
если бы каменные сердца людей
нам были бы так же подвластны —
красота переполнила бы нашу землю...

В этой стране
знают цену
рукам и колосу —
из лучшего мрамора
им воздвигли
памятники.

Этот красный гранит
не могут пробить ни стрела, ни копье.
А вот мягкий и нежный цветок,
похожий на ножку
только что вылупившегося цыпленка,
пробивается
сквозь толщу скал.
Корни Армении
неколебимы.
Они вросли в камни,
а камни — вечны.

Камни, как века,
переплелись корнями.
Вырви корни —
с грохотом рассыплются скалы.

В этой стране
даже самая глубокая пропасть
выше уровня моря.
Можно ли здесь
быть низким?

2. Памяти Паруйра Севака

Резко, как удар плетки,
налетел свирепый ураган.
Грохочущий поток,
ниспадающий с неба
как водопад,
смывал и уносил
стога, постройки, хижины крестьян.

Покойный дед обычно говорил:
«Это пляска чертей, будь они прокляты!
Опять у них, должно быть, свадьба.
Если в сердце урагана
вонзить вилы —
из него хлынет кровь...»

Как давно это было...
Тогда я всему верил...
Была ли правда в словах деда?
Может, и была.

Вот и теперь, читая Паруйра,
я представляю проснувшийся,
затмевающий свет ураган,
неудержимый, как сам поэт.
Со времен Урарту
до наших дней
он вырос в громадный поток,
пустил корни, словно кочующая,
застилающая землю чинара,
и всякую тварь,
что не может взлететь,
поднял на воздух,
силой увлекая в свою пляску,
будто хочет подарить крылья,
показать звезды
и снежные шапки ледников.

В каких камнях
нет его корней!
Стоит прикоснуться к трещинам гор,
как из них выступит кровь.

3. Эчмиадзин. Весна

Эчмиадзин. Когда затих
тревожный колокол в соборе,—
застыло время, словно море,
уснувшее на краткий миг.

Звон колокольный был суров.
Но ласточка защебетала...
Седая вечность прозвучала
в каком из этих голосов?

4. Цицернакаберд[1]

Когда с вершины времени упал
на эти горы колокол небесный,
он раскололся на двенадцать скал,
огонь рванулся из подземной бездны.

И в этой чаше музыка веков
доныне черным пламенем пылает,
боль волокут двенадцать пар быков[2],
в двенадцати ущельях ночь зияет.

И Комита́с который год подряд
взывает из-под скал к небесной шири...
Когда с живыми предки говорят —
народ бессмертен, бабушка Наири[3].

---

[1] Цицернакаберд — крепость ласточек — гора в Ереване, на которой возвышается памятник жертвам геноцида. Двенадцать массивных пилонов из базальта, склоненных к очагу, напоминают гору, разделенную на двенадцать частей. В центре их — Вечный огонь. Словно вырываясь из глубины земли, звучит музыка великого Комитаса.

[2] Двенадцать пар быков в упряжке — образ осетинских сказок.

[3] Наири — древнее название Армении.

ДВА ЭТЮДА

1. Таллинские башни

На камень клали камень здесь веками,
чтоб дать завоевателям отпор.
Как нам назвать сегодня эти камни,
напоминающие пики гор?

Здесь камень трудной жизни был подобьем,
и человек не расставался с ним —
он был здесь всем — жилищем и надгробьем,
защитой и оружьем боевым.

Ночь...
Шум затих. Огромный город пышно
раскрылся, обнажая облик свой,
как раковина, где шумит чуть слышно
оставшийся навек морской прибой.

2. Осетинские башни

Сама природа здесь для нас трудилась,
чтоб защитить. Но враг нас настигал.
К горам пристройки делать приходилось,
камнями укреплять вершины скал.

Мы жилами души к горам навеки
пришили сотни каменных заплат.
Поднялись к небу каменные ветки
и, мир храня, над безднами стоят.

НА РОДИНЕ РАЙНИСА

1

Боль просочилась на бумагу вновь...
Бежала ночь от скорбных жалоб.
Меж болью и тобою солнце встало.
От бед лихих — пускай хранит любовь.

Лохматой лапой тянется сосна
и говорит в окошко: «Здрасте,
с тобой мы братья — это счастье!»
И просит снег стряхнуть с ветвей она.

И морю подражает старый лес,
их ритм един, шумят одновременно.
Кошмары растворились, словно пена.
Песок впитал — и даже след исчез.

*

Ты вырос, как сосна, на этих землях.
Взгляд устремлен к бездонным небесам,
лишь заблестит в нем светлая слеза —
и море снова исповеди внемлет.

Хандра от волн соленых тает,
приходит вера, сердце укрепив,
волна на камне пишет древний миф,
душа твоя его читает.

2. Мотив Райниса

Все выше, к солнцу, тянется мой путь.
Ян Райнис

Петляет и взбегает вверх дорога...
Луга в высоких травах. Темный лес.
То путник, то горянка — встречных много.
Ущелья, башни. Глубина небес.
И вдруг у ног — фиалка-недотрога.

Чем выше, тем намного больше света,
Тем небо чище, ярче и синей,
Живых существ на голых скалах нету.
Но муки неизбывней и сильней.

Достиг вершины я своих страданий,
С надеждой вниз скользит мой тайный взгляд,
Меня ничей упрек уж не достанет.
Какое счастье! Не вернусь назад.
Внизу живущий сострадать не станет.

Меня прозвали все непримиримым.
Что ж, правильно, не буду возражать.
А я себя считал непогрешимым,
Учился силой воли побеждать...
Здесь только след мой на снегу. Вершины
Достиг — устал — но не подался вспять.

Кому легко сносить такие муки!
Здесь нет живой души, безмолвье, снег.
А солнце — столп Вселенной — подняв руки,
Как виночерпий, ронгом поит всех.
Я слышу льющегося ронга звуки.

3. Алихан в Латвии

В дни летнего солнцестояния у латышей бывает большой праздник — Лиго. 23 июня пастухи сплетают венки из дубовых листьев и надевают коровам на рога. Стадо возвращается в деревню с «коронами» — это означает, что праздник начался. Люди заранее варят пиво (готовят его так же, как и осетины). Разводят костры и с вечера до восхода солнца пируют, танцуют. Юноши и девушки отправляются искать цветок папоротника и наблюдать восход солнца. Говорят, папоротник цветет только одну ночь. Тот, кто найдет его цветы, считается счастливым. Обычай отправляться на поиски цветков папоротника имеет символический смысл: любовь приходит к человеку лишь один раз.

Осетинский поэт-революционер Алихан Токати находился в Латвии летом 1917 года.

Ты колдунья, Инта, что ли?
Как загадочен твой взгляд.
Может, ты источник боли?
Но глаза твои блестят,
«Инта — ангел» говорят.

Пали звезды ночью этой,
их осколки речка мчит...
Тени призраков с рассветом
тают вдруг — пастух кричит.

На рогах крутых коровы
принесли венок с полей
из резных листков дубовых.
Лиго, Лиго! К нам скорей!

Ох, в лесу бы заблудиться!
Мы пойдем за солнцем вслед.
Быть вдвоем — не разлучиться —
счастья большего ведь нет.

Расцветает липа пышно.
Ты прекрасна, как она.
Солнце дню навстречу вышло.
Бог да не изменит нам!

Хоть молитвы безответны,
все ж молю, спаси от бед.
Мы найдем цветок заветный.
Неужели его нет?

Грудь наполнилась участьем
к бедным людям всей земли.
Их заботы, их несчастья —
тяжко на плечи легли.

Жизнь отдать за честь и волю
этих близких мне людей.
Я не мыслю лучшей доли,
дела в жизни нет святей.

За волшебным талисманом
по Осетии бродил:
у змеи отнять обманом
я пытался — упустил.

Пали звезды этой ночью,
Инта, Даугава мчит...
Взгляд твой чистый полон света,
будто дождиком омыт,
василек в нем синий скрыт.

4. Чайка

Море вышло вновь из берегов.
Чайку, словно лодочку, качает.
Грезят волны взмыть до облаков,
Поседели от мечты, отчаялись.

Страсть их прихотлива и вольна —
Не сдаются сильному на милость.
Сорвала с себя рывком волна
Всё. Живая, в небо устремилась.

5. Старая Рига

1

Повисло на седых бойницах солнце,
на слабых, как былиночки, лучах,
и растеклось по крышам и оконцам,
расплюснутое, обратилось в прах.

В тот раз, увидя в Старой Риге это,
я заблудился в мыслях о своем:
отца я вспомнил почему-то. Лето,
картина выплыла в мерцанье света,
порог дубовый в сакле — словом, дом:
забытые, но милые предметы.

Вот печь, в ней желтый хлеб в золе томится,
на солнце предзакатное похож.
В печи сидит он, как в глухой темнице,
ты мысленно уже его жуешь —
голодный взгляд за ним в очаг стремится...

2

Мысль заблудилась в переулках тесных:
речушка верткая в ущелье гор,
от ледников она; средь скал отвесных
несется, глупая, во весь опор,
лбом бьется о гранит эпох безвестных.

В нем корни предков, в этом камне красном,
окаменевшая святая кровь,
срослись они с землею не напрасно —
чтоб жил твой, Рига, дух, сияла новь,
чтоб не был слишком долог день ненастный,—
торжествовали б слава и любовь.

С игольчатых вершин твоих соборов
несется пенье ржавых петухов...
Века лишились сна средь битв и споров.
Что ж, у истории не нрав, а норов.
Страж тебе надобен для тихих снов.

6. Рига. Улица. Илга[1]

Что же это было, гул набата?
Выстрел грянул, иль пожар возник,
или тут лавина виновата?
Долетел в Осетию мой крик —
сердце стало зрячим — как когда-то.

В Старой Риге, среди древних башен,
осетин, я сразу был пленен
(и подумал о сраженьях страшных
тех далеких, яростных времен)...

---

[1] Илга — женское имя.

...Пламя сердца так развеселится,
что растает голубой ледник:
память затрепещет, словно птица —
над гнездом разрушенным — кулик.

Из души, из мрака заточенья —
примется весной росток цвести.
Коль под пеплом не иссякнет тленье,
Илга, чем костер мне развести?

Спит земля, боясь пошевелиться,—
прячет семя в пазухе своей.
...Вон живут в заброшенных бойницах
стаи диких сизых голубей.

7. Дочь Яниса

Раз уж, дочь Яниса, ты оказалась столь смелой,
что мечты мои, эти травинки,
упавшие с полной арбы на ухабистые дороги,
сумела собрать по одной и,
сплетя их умело,
свила на шатком дереве моего сердца
гнездо;

раз уж, дочь Яниса, ты оказалась столь смелой,
что стерла с губ моих плач
и спрятала в уголке своего сердца,
словно мисайнаг[1],

---

[1] Мисайнаг — предмет или деньги, оставляемые в святилище в качестве жертвоприношения богу; в старину это были наконечники стрел, позднее — пули.

то:
имя твое с этого дня
стало священным,
его запрещается произносить.

Но порой
в гнездо, что свила ты на шатком дереве моего сердца,
прилетать станет дивная птица,
ее имя — Весна,
устами раскрывшихся почек липы
будет петь она ветру
имя твое.

И лишь иногда,
одиноко живя в четырех стенах,
невольно я прошепчу
твое имя,
словно молитву,
и еще прошепчу:
о Сокровище опоздавшее![1]

Прости меня,
дочь Яниса,
manas ciešanas[2].

---

[1] Народное выражение у осетин, произносят его в тот момент, когда человек опаздывает куда-нибудь.

[2] Manas ciešanas — дословно «мое мучение» *(латышск.)*.

8. Перед дорогой

Мне снилось море в ряби рыже-красной,
свет солнца мертвых[1] кровью отливал,
а я по берегу ходил, несчастный.
Искал дырявый камешек[2] — устал:
таков уж мой удел — искать напрасно.

Там, в небесах вершин — архипелаги:
на сосны молча с грустью я гляжу.
И не орехи белке-бедолаге,
свое я изумленье подношу.

Отважная летунья суетится,
и скачет, набирая высоту,
и мечется, как пламя иль жар-птица,
хватая семя клена на лету.

Предчувствую, скворцы нагрянут скоро,
считают дети их прилет по дням,
весну пророчит дятел в эту пору,
опять грозя невидимым червям.

Былые видятся пути-дороги,
от мелких склок невмоготу ушам.
Прощай, Осетия, равнины и отроги,
сквозь толщу скорлупы пробьюсь я сам,
заслыша зов своей тревоги.

---

[1] Солнце перед закатом называют у осетин солнцем мертвых.
[2] У предков осетин существовало поверье, что счастлив тот, кто найдет камешек с дыркой.

У МОРЯ

Стала волна вмиг конем.
На́ спину пенную сел,
в бездну ныряю на нем.
Бездна — теперь мой удел.
Кружится все — как в бреду.
В яму упал — как в беду.

Крепко за гриву схватил
и умоляю коня —
взнуздывать не было сил —
хоть бы не сбросил меня.
Вдаль сломя голову мчит.
Сердце что молот стучит.

День исчезает за днем.
Мне их никак не догнать,
не отыскать днем с огнем.
Как бы вернуть их опять?
Вот уж настиг, одолел...
Да удержать не сумел.

* * *

Весна была сухой, а жажда жгучей,
Поник на тонком стебельке цветок.
Он сверху был замечен доброй тучей,
У тучи вызвал жалости поток.

Как мокрый пес, она стряхнула влагу,
И, чтобы до цветка быстрей дойти,
На землю капли ринулись с отвагой,
Но были заколдованы в пути.

Пленила стужа их и льдом сковала,
И повалил весенний мокрый снег.
Зачах цветок, от холода увял он.

А туча, что была добрее всех,
Кляла себя, невольный свой набег.
И люди, бедную, кляли немало.

ВЕЧЕР В КАХТИСАРЕ

Ручейками
из горных пещер
на дно ущелья вылился мрак.
Ручейки эти, слившись,
превратились в бескрайнюю тьму,
такую огромную тьму,
что она
переполнила землю и небо.

* * *

Как рано пришла весна!
Я радовался, точно в детстве.
Думал, что скоро,
как жареные кукурузные зерна,
станут лопаться почки,
и, подобно пене на парном молоке,
клубясь, поседеет мир...

И поседел...

Когда уставшее солнце спряталось в своей башне,
и, свернувшись клубком, как щенок, уснула земля,
из-за гор снова подкрался иней —
и весна поседела до срока.

Смотрит солнце
смущенно и виновато:
сжались, озябнув,
полураскрытые почки.
С черных разбухших веток каплет растаявший иней.

Кап-кап...
Это весна, как вдова,
плачет о своих пустоцветах.

Какая ранняя весна!
Зачем она поспешила?

КУЗНЕЧИК

Два вечера кряду кузнечик дарил меня счастьем:
лишь свет зажигал я, как тотчас улавливал слух мой
его стрекотанье, его свиристящее пенье.

Готовый к прыжку, восседал он на томе Уайльда.

Бог весть чем прельстили его эти пыльные полки
покрытого плесенью старого книжного шкафа.
Зачем он оставил свои шелковистые травы
и братьев певучих на лоне зеленого лета?

Быть может, он думает:
кто ты, откуда ты взялся?
Пожалуй, он хочет сказать мне:
чему ты дивишься?
Взгляни на себя: ты похож на Сатти́[1].
Ты растрепан
и бледен, как эти страницы томов поседевших.

...Два вечера кряду кузнечик дарил меня счастьем.
И вдруг он исчез,
тонконогий зеленый чертенок...

---

[1] Сатти и Батти — герои фольклорной юморески; оба, будучи объектами осмеяния, вместе с тем потешались друг над другом.

ЖАВОРОНОК

Выдалась дымная осень,
бродят по склонам туманы.
Утром равнины — белесы,
к вечеру ближе — багряны.

Ветром продуты вершины.
Прячется в стог на зимовье
солнечный луч у овина —
зимняя радость коровья.

Лету пропели разлуку
бабочки, пчелы и травы,
из облетевшей дубравы
не долетает ни звука.

Только когда рассветает,
в небе висит жаворóнок,—
некогда весел и звонок,
песни осенней не знает.

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ ИРАФА

Горы окутала густая тьма.
Ночь — словно пахарь, идущий за плугом,
бросает в небо седые зерна.
Замерло облако с простреленной грудью:
оно страдало весь день,
роняя на землю черные слезы,
а теперь, как притихший младенец,
спит в объятьях Святой горы.
В реке льдинки лунного света
мерцают стайкою рыб.

О, нескончаемая печаль!
Ты навалилась мне на грудь,
как эта ночь.
Сердце качается на твоих волнах:
не утонут ли в них мои думы?..

Течет Ираф...
Осколки волн...
Осколки волн...
Мысль затерялась средь них...
Солнце мое,
что же ты снова ушло за горы
по узкой тропинке моих мечтаний?
И зачем я опять тебя вижу
в льдинках лунного света?
Ты давно для меня закатилось,
ушло, как минувший день, из жизни,
из моего мира.

О, мое солнце, ушедшее за горы,
ты для кого-то родишься с рассветом.
Что поделаешь?..
Я спокойно буду терпеть эту боль.
Пусть слезы останутся в горле
и прольются на сердце горячим дождем —
их никто не увидит.
Знаю: завтра вновь моя мысль, словно птица,
полетит в этот солнечный край, где жила ты.

...Ираф, о Ираф...
Мой нежный сон...
Нескончаемое ранящее воспоминание...

* * *

Ты как сказки дочь голубая,
той, что виделась в детских снах.
Отчего же слезинки, сверкая,
в этих ясных застыли глазах?

Те глаза, как два дерева синих,
где запрятались стаи звезд.
В их прохладе мечусь я отныне,
точно вспугнутый шумом дрозд...

Помнишь, милая, в свой трудный час я
спасся в их благодатной тени...
Где же, где ты сейчас, мое счастье,
хоть на миг мне в глаза взгляни!

Я боюсь, что оно расточится
как свеча, догорая впотьмах...
Так чинара утратить боится
небеса, что несет на ветвях.

В ДЕНЬ ТВОЕЙ СВАДЬБЫ

В день свадьбы твоей, день осенний и стылый,
Снег хлопьями выпал такими густыми.
В душе моей мрак поселился постылый,
От первого снега в ней сердце остыло.
На небо гляжу я глазами пустыми,
И крик мой замерз в этой белой пустыне.

Надежды мои потонули в несчастье.
Теперь лишь мечтать о тебе в моей власти.
Вороны кружат, накликая ненастье,
И небо от карканья рвется на части.

В день свадьбы твоей поднял тост я за счастье.
Я пил за любовь, за ее самовластье.

УХОДИТ МУЗЫКА

Уходит музыка... А с ней — веселье.
И хнычет в одиночестве ручей.
Горит закат. И падают в ущелье
осколки потухающих лучей.

Повсюду длинные ложатся тени,
и зелень листьев кажется темней.
Пусть и в груди улягутся сомненья
и мир недолгий воцарится в ней.

Уходит музыка. Все тише, тише
звучит она, летя куда-то вдаль.
И голос колокольчиков чуть слышен:
в их светлом звуке сладость и печаль.

Уходит музыка. За нею тучей
крадется темнота. Прощай, фандыр!
Последний луч повис над горной кручей
и оборвался... Ночь объяла мир.

МЕСЯЦ УГРОЗ

Нам февраль без конца угрожал
страшной бурей, разорванным небом,
ветер северный выл, как шакал,
дождь летел вперемешку со снегом.

Но над городом утренний гром
был едва различимым спросонок.
Обнажился в полях чернозем,
в скорлупе шевельнулся цыпленок.

Не весна ли по снегу бредет?
Коченея, глядит безотрадно
и приюта нигде не найдет,
и дороги не знает обратно.

РЕКА

Пылая огнем, как стрела голубая,
несется, насквозь ледники пробивая.
Но чуть обретет тишину и покой —
не будет уже называться рекой.
Болото — вот новое прозвище ей —
обитель лягушек и ложе свиней!

ЯПОНСКОЕ НАЗИДАНЬЕ

О путник, с собою в минуту прощанья
возьми это дедовское назиданье:
правдивая речь не бывает красивой,
красивая речь не бывает правдивой.

ПОЭТ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Он с мертвецами долго толковал —
поэт — в подземном царстве, как с живыми,
всю жизнь свою он выложил пред ними.
Нет, ничего от них он не скрывал:

душевных мук и радости земной,
своей любви, томительной и зыбкой...
Но те со снисходительной улыбкой,
всё ведая, кивали головой.

«Ну что ж,— сказали,— искренен рассказ,
твои печали состраданья стоят.
И все ж мы знаем цену этих фраз,—

Бара́стыр[1] прав: они грехов не смоют,
они от ада не избавят нас
и райских врат пред нами не откроют».

---

[1] Барастыр — повелитель загробного мира в нартском эпосе.

ОВИДИЙ ПЕРЕД ССЫЛКОЙ

Прощайте.
Ухожу.
Дорога далека...
Иду в страну, где никого не знаю,
которую чужбиной нареку...
С собою вместо сундука,
как грязного приблудного щенка,
я уношу
        за пазухой
мою тоску.

ХМЕЛЬ

Что было сил он прянул на чинару,
как водопад. Шумит и льется он.
Беда! Он ветви вяжет, с ней сплетен,
и прутьев сталь струит по крутояру.

А ей не страшен рок, наславший кару,
и вытянулся, встав, Лаокоон.
Любя зеленой стойкости закон,
земля борьбой сроднила эту пару!..

Какой-то демон мой смущает разум,
я сам опутан чудом хмелевым,
взят хмелем златокудрым, синеглазым.

Мне — ярый враг, он — щедрый друг другим.
Я колдовством неистощимым связан,
моя печаль и радость бродят им.

МАЯКОВСКИЙ

И пигмеям и богам он говорил правду в лицо. Воры, карьеристы, доносчики, подхалимы, тунеядцы — со всей этой дряни он срывал маски. А многие из вас напоминают птенцов, только что вылупившихся из яйца: вы пищите, затем, шатаясь, еле держась на ножках, выползаете на свет божий и, увидев корзину, в которой родились, начинаете громко кричать: «Мы открыли новые миры! Уступите нам место на Парнасе!»

Кому же такой цыплячий писк нужен?

Слова моего знакомого учителя Арцу

Он шел —
прогибалась земля
под ногами,
тесны ему улицы,
скверы,
дворы.
Он шел —
и с Казбека катились камни,
скалы
рушились
в тартарары.
Он шел —
его имя
дрожь вызывало
у всякой
нэпманской
мелюзги,
кто покупал,
как севрюгу
и сало,
должности,
славу
и чужие мозги.

Разбить оковы!
Сломать барьеры!
Раздвинуть границы
привычных мерок!
Он вступил
с Колумбами
новой эры
в «Общество открывания Америк»!
Облака
казались ему
щенятами,
затерянными
в сутолоке города,
и ласково
трепал он
кудлатые
доверчивые
морды.
Он
молнию в небе
ловил рукою,
чтоб строки смогли
воспламеняться.
Но для нежной души его
стало тюрьмою
стальное
тело
Батрадзе...
Ушел —
и кастраты от радости завизжали,
завозились паразиты в общественном чреве,
ушел —
ожили клещи-паразиты
и
подкожные
черви.

...Силы его
на всё хватило:
он мог
звезды к небу прибить
рукою могучею...
Это ему достался
щит Ахилла.
Это ему досталось
Грядущее...

НОКТЮРН

День умер до срока средь туч,
В них, грязных, густых, захлебнулся,
В горах, как в тюрьме, задохнулся,
Угас солнца слабенький луч.

Все стихло в незрячей ночи.
Окутано пеплом ущелье,
И лишь, одержим одной целью,
Орган водопада звучит.

Вот с неба пронзенного вниз
Скользнули звенящие струны,
И света стеклянные струи
В ослепшую ночь ворвались.

О звезды! Вас нарты зажгли,
Направив в богов свои стрелы,
Хвала этим воинам смелым,
Сиянью в небесной дали.

Поэты, позвольте сказать:
Махните на славу рукой,
Верлибры, сонеты — долой!
Мы звезды пойдем собирать.

КЛЕТКА

Да, клетка, умер твой бесстрашный лев,
страшась лишь одного — стать прирученным.
О, как метался он в плену бессонном,
сдержать не в силах свой угрюмый гнев!

Напрасно люди в клетку, присмирев,
совали мясо — был он непреклонным,
ни разу на него не посмотрев,
рычал на страх зевакам удивленным.

Теперь живет здесь Чита, обезьяна,
все тащит в рот: орехи, хлеб, бананы,
привычно ждет от публики сластей.

То начинает подражать прохожим,
кривляется, плюется, корчит рожи —
и все довольны, хохоча над ней.

ЛАСТОЧКА

Дивлюсь я ласточке: какая смелость!
Жилище строит там, где захотелось,
наперекор насилию и злу
гнездо свивает над окном в углу
так, словно в мире больше нет страданья
и тьме не скрыть рассветные лучи...
О ласточка, отважное созданье,
вся — нерв натянутый, вся — созиданье,
меня ты верить научи!

ПОПУГАЙ

Попугаем владеют
Печальные мысли.
Ду Фу

Нелепый попугай, чудак несчастный,
Я скверно жил в лесу сыром, гнилом.
Ты понял птичью душу, мой хозяин,
И спас от злобных хищников лесных,
И кормишь птичку пищею добротной,
На миг не оставляя без присмотра.

Твой полосатый кот, злодейски ловок,
Меня подстерегает день и ночь.
Но клетка сделана как следует, на совесть —
Будь славен тот, кто смастерил ее.

Забыл я напрочь свой язык от счастья,
Здесь попугайский лепет ни к чему.
Добро, свобода, справедливость, правда —
Познал я цену слов людских сполна.

Не хватит перышек с тобою расплатиться,
И, чтобы угодить, ученым попка стал.
А всемогущий бог пусть неустанно,
Пусть каждый день тебя благодарит.

Признателен хозяину до гроба
Трудяга вол. Признательны мы оба.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Нагие остовы дерев
скрипят под ветром приглушенно,
лишь иногда, окоченев,
на них качаются вороны.

И так бывает странно мне
увидеть утренней порою
на замороженном окне
деревья с буйною листвою.

СОДЕРЖАНИЕ

«Моя белая яблоня...» *Перевел В. Бурич* . . . 3
«С утра до сумерек...» *Перевела Л. Осипова* . 3
«Тянется изморозь с неба, просто на тесто похожа...» *Перевела Л. Осипова* 4
Корни. *Перевел В. Бурич* 5
Быль. *Перевел В. Хатюшин* 5
«О любви своей на этом свете...» *Перевел В. Хатюшин* 6
Час первых петухов. *Перевела Т. Глушкова* . 6
Липы. *Перевел В. Хатюшин* 7
Бокал. *Перевела Т. Глушкова* 8
Желудь. *Перевел В. Хатюшин* 9
«Топор не жалея срубает березу...» *Перевел В. Хатюшин* 10
Публицистические стихи. *Перевел В. Бурич* . 11
Колодец. *Перевела Т. Глушкова* 12
Осетинское слово. *Перевел В. Бурич* 14
Предки. *Перевел В. Хатюшин* 15
Дорога. *Перевел В. Бурич* 16
Пастух. *Перевел В. Бурич* 22
Башня Кола. *Перевел В. Бурич* 23
Песнь Дзамболата. *Перевел В. Бурич* 26
Горец. *Перевел В. Хатюшин* 34

Осенняя вода. *Перевела Т. Глушкова* 35
Родное село. *Перевела Т. Глушкова* 37
Утренняя сказка. *Перевела Л. Осипова* . . . 38
Зной. *Перевела Л. Осипова* 39
Покровительница места. *Перевел В. Бурич* . . 40
Осенняя картина. *Перевел В. Бурич* 41
Ледоход. *Перевел В. Бурич* 42
Терек. *Перевел В. Бурич* 43
Сосланбек Е́дзион. *Перевел В. Хатюшин* . . . 45
Каменная баллада. *Перевел В. Хатюшин* . . . 46
Коста. *Перевел В. Хатюшин* 47
Дух Осетии. *Перевел В. Хатюшин* 50
Слово. *Перевел В. Бурич* 51
Артти́г. *Перевел В. Хатюшин* 53
Деревья Ясной Поляны. *Перевел В. Бурич* . . 54
Горная мельница зимой. *Перевел В. Бурич* . . 58
«Сгущалась ночь...» *Перевела Т. Глушкова* . . 59
Стихи об Армении. *Перевела Т. Глушкова* . 61
Два этюда. *Перевел В. Бурич* 65
На родине Райниса. *Перевела Л. Осипова* . . 66
У моря. *Перевела Л. Осипова* 75
«Весна была сухой, а жажда жгучей...» *Перевела Л. Осипова* 76
Вечер в Кахтисаре. *Перевел В. Хатюшин* . . . 76
«Как рано пришла весна!..» *Перевела Т. Глушкова* 77
Кузнечик. *Перевела Т. Глушкова* 78
Жаворонок. *Перевел В. Хатюшин* 79
Ночью на берегу Ирафа. *Перевел В. Хатюшин* 80
«Ты как сказки дочь голубая...» *Перевел В. Бурич* 81
В день твоей свадьбы. *Перевела Л. Осипова* . 82

Уходит музыка. *Перевел В. Бурич* 82
Месяц угроз. *Перевела Т. Глушкова* 83
Река. *Перевел В. Бурич* 83
Японское назидание. *Перевел В. Бурич* . . . 84
Поэт в царстве мертвых. *Перевел В. Хатюшин* 84
Овидий перед ссылкой. *Перевел В. Бурич* . . 85
Хмель. *Перевел М. Синельников* 85
Маяковский. *Перевел В. Бурич* 86
Ноктюрн. *Перевела Л. Осипова* 88
Клетка. *Перевел В. Бурич* 89
Ласточка. *Перевел В. Бурич* 89
Попугай. *Перевела Л. Осипова* 90
Зимний этюд. *Перевела Т. Глушкова* 91

Кодзати А.

К 55 Кремень: Стихи. Пер. с осетинского.— М.: Советский писатель, 1985.— 96 с.

Мужественный, целеустремленный характер запечатлен в стихах осетинского поэта. Социальное и лирическое начала образно сливаются в разговор о смысле жизни человека — гражданина своей Родины.

К $\frac{4702470000-444}{083(02)-85}$ 402—85

ББК 84. Осет 7

Ахсар Магомедович Кодзати

КРЕМЕНЬ

М., «Советский писатель», 1985, 96 стр.
План выпуска 1985 г. № 402

Редактор *П. А. Кошель*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *З. Б. Хамидулина*
Корректор *Т. Н. Гуляева*

ИБ № 4527

Сдано в набор 11.10.84. Подписано к печати 05.12.84. А 06953. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Балтика». Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,20. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 8 500 экз. Заказ № 652. Цена 40 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

40 к.